

Либ. Россия, 1979, 24ав

ПРОСТАЯ РАЗГАДКА

ИСТОРИЯ нашей литературы знает немало забавных случаев, курьезов, которые происходили между отдельными писателями. Возникали они неожиданно, без чьей-либо вины, быстро разрешались, рассеивались, но все же на короткое время озадачивали и писателей, и читателей. Таковыми, между прочим, были и два смешных недоразумения между А. Н. Толстым и Н. С. Лесковым.

Отношения между обоими писателями были самыми дружественными. Лесков благоговел перед Толстым и считал праздником тот день, когда получал от него письмо. В свою очередь и Толстой высоко ценил талант Лескова, с интересом читал его произведения и откликался на них дружественными посланиями. К настоящему времени известны десять писем Толстого и 51 письмо Лескова — все теплые, дружественные.

Но вот случилось так, что написанная Толстым в 1903 году философская сказка «Три вопроса» неожиданно оказалась по содержанию удивительно похо-

жей на ранее опубликованный рассказ Н. С. Лескова «Час воли божей»... Что же произошло? Случайное повторение сходного сюжета? Сознательное заимствование? Творческое использование одной и той же темы?

Нет, дело оказалось значительно проще. Толстой повторил не Лескова, а... самого себя. Лесков же в свое время написал свой рассказ... со слов Льва Толстого. Но все это оказалось запутанным из-за того, что между началом и финалом недоразумения прошло около пятнадцати лет.

Началось это 20 июня 1887 года, когда Толстой в письме к своему другу В. Г. Черткову кратко изложил сюжет задуманной им философской «сказочки». Вот она:

«Был царь. И все ему не удавалось. И послал он к мудрецам спросить, отчего ему не удача.

Один мудрец сказал: «Оттого, что он не знает часа, когда что делать». Другой сказал: «Оттого, что он не знает того человека, который ему нужнее всех». Третий сказал: «Оттого, что он не знает, какое дело дороже всех других дел».

И послал царь еще спрашивать у мудрецов у этих и других: какой час важнее всех, какой человек нужнее всех и какое дело дороже всех?

И не мог никто отгадать. И все думал об этом царь, и у всех спрашивал.

И отгадала ему девица. Она сказала, что важнее всех часов — теперешний, потому что другого ни одного нет такого же. А нужнее всех тот человек, с которым сейчас имею дело, потому что только этого человека и знаем. А дороже всех дел то, чтобы сделать этому человеку добро, потому что это одно дело тебе наверное на пользу».

В. Г. Чертков эту глубокомысленную притчу очень понравилась, и он с согласия Толстого поместил ее под заглавием «Мудрая девица» в издававшем-

ся им сборнике «Цветник» (М., 1889).

Н. С. Лесков познакомился с Толстым 20 апреля 1887 года, за два месяца до письма Толстого с изложением сюжета задуманной им «сказочки». Есть все основания полагать, что он услышал ее из уст самого Толстого. Прочитав же ее в сборнике «Цветник», он поистине «заболел» ею. Главная мысль притчи — делать добро людям каждый день, каждый час, не выбирая и не откладывая, — настолько увлекла его, что он задумал написать на эту тему рассказ, на что получил полное согласие Толстого.

Опубликовав в 1890 году свой рассказ в журнале «Русское обозрение» (№ 11), он немедленно послал его Толстому, и тот отозвался о нем с большим одобрением. Единственное, что в нем не понравилось Толстому, — это, как он выразился, «излишек таланта», то есть избыток образов, красок, характерных выражений, который, по его мнению, иногда портил превосходные произведения Лескова. Отвечая Толстому, Лесков искренне каялся в своем писательском «грехе» и просил: «Дайте-ка мне еще тему для сказочки, я еще попробую написать без кудряшек. А мне легко и приятно писать на Ваши темы».

Вся эта переписка состоялась в 1890 году, кроме обоих писателей, никому не была известна. Когда же в 1903 году — через тринадцать лет — Толстой сам взялся за обработку своей старой «сказочки», то создалось впечатление, будто он заимствовал ее сюжет из широко известного рассказа Лескова. Вот почему Толстой счел нужным сопроводить публикацию своей повести написанной сказки, названной им «Три вопроса», следующим вступлением:

«У Лескова есть сказка, написанная на эту тему, и может показаться, что я заимствовал основную мысль из его сказки. В действительности же Лескову

понравилась эта моя мысль, лет 15 тому назад высказанная и напечатанная в «Цветнике», изд. «Посредника», и он с моего согласия воспользовался ею».

Так легко и просто разрешилось первое мнимое недоразумение между писателями.

Второе, еще более курьезное недоразумение, связанное с именем Лескова, произошло у Толстого в 1910 году, когда он был занят составлением сборника мудрых мыслей и изречений «Путь жизни». Для этой цели он собирал и перечитывал множество книг и материалов. И вот среди других источников ему неожиданно попалась рукописная тетрадь, озаглавленная «Мысли Лескова», в которой рукою самого писателя были записаны десятки глубоких и прекрасных изречений на моральные темы.

Толстой зачитался ими и пришел в полный восторг. Это были мысли о жизни, о смерти, о народе, о назначении человека, о добре, справедливости — мысли, близкие ему по духу и к тому же мастерски выраженные. В отличие от изречений других авторов, особенно зарубежных, которых он иногда бывал вынужден переводить, дорабатывать, переделывать, он посчитал мысли Лескова совершенно готовыми к печати и предложил своему секретарю В. Ф. Булгакову немедленно переписать их и включить — за подписью Лескова — в сборник. Сам же он в тот день носился с тетрадью как с драгоценным открытием, а вечером с радостным волнением читал гостям Ясной Поляны содержащиеся в ней глубокие мысли.

Каково же было назавтра удивление Толстого, когда В. Ф. Булгаков пришел к нему с сообщением, что эти драгоценные мысли принадлежат не Лескову, а... самому Толстому. Как же это произошло? В чем же было дело? «Да в том, — пишет в своих воспоминаниях В. Ф. Булгаков, — что Лесков, преклонившийся перед Толстым, просто в свое время выписывал для себя,

в особую тетрадь, особо понравившиеся ему мысли Толстого; имени же Толстого на тетради случайно не проставил... Что же касается самого 81-летнего Льва Николаевича, исписавшего стопы и стопы бумаги за свою жизнь, то он просто... забывал свое авторство собранных в тетрадке мыслей и, принимая их за то, за что ему их выдавали, т. е. за мысли Лескова, только обрадовался подлинной, несомненной близости их к основам его собственного мирозерцания».

Так благополучно разрешилось и второе курьезное недоразумение. Толстой, по словам Булгакова, был немногом сконфужен происшедшим. И все же ему было приятно убедиться, что Н. С. Лесков, которого давно уже не было в живых (он умер в 1895 году), с большим вниманием в свое время относился к его, Толстого, мыслям, ценил и разделял их. Ему было даже жалко печатать эти изречения без подписи Лескова.

Александр ШИФМАН,
доктор филологических наук

Рисунки Н. ЗАХАРЖЕВСКОГО